

Тиняков Александр Иванович

**Пролетарская революция и
буржуазная культура**

Статьи 1918-1919 гг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович Т.**
Пролетарская революция и буржуазная культура: Статьи 1918-1919 гг / Тиня-
ков Александр Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 94 с.

ISBN 978-5-519-76720-0

ISBN 978-5-519-76720-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

О ценности культуры.

Несомненно, что в мировой культуре, как в до-буржуазной, так и в культуре буржуазного периода, есть не мало „вечно ценного“ и могущего принести пользу человеческим массам при всяком социальном устройстве. Но еще более несомненно, что на ряду с этим, чуть-ли не вся культура минувших веков пропитана ядом губительных предрассудков и покрыта корой вредных для жизни идей.

Прежде всего, недаром сказаны слова Руссо о том, что „необходимость воздвигла троны,—науки и искусства их утвердили ¹⁾“.

Симпатическая связь между деспотизмом и, напр., искусством—неразрывна и неизбежно бросается в глаза, какую бы культуру прошлого ни начали мы изучать.

Вся культура древних восточных деспотий, каковы Египет, Вавилон, Ассирия, Индусские царства,—служила, главным образом, верховным владыкам, монархам, которыми чаще всего и вызывались к жизни новые отрасли культурного творчества и почти все памятники искусства. Великие пирамиды и храмы Египта были построены во славу фараонов; роскошные дворцы и искусственные сады Вавилона и Ассирии сооружались ради царей; чудеснейшие создания индусской

¹⁾ Ж. Ж. Руссо. „О влиянии наук на нравы“, изд. „Светоч“, Спб., 1908, стр. 25.

драмы расцвели в качестве *придворной* поэзии... Для всякого, кто всматривался в глубину жизни древнего востока, ясно, что там искусство не играло ни малейшей освободительной роли, и что, наоборот, оно, по словам того-же Руссо, „обвивало гирляндами цветов сковывающие людей железные цепи“ ¹⁾).

То-же самое встречает нас при вступлении и в античный мир.

Уже у первого греческого поэта—Гомера—мы встречаем аристократические тенденции и монархические идеи „Жизнь и сила народа держится царем“ — возглашает Гомер в „Одиссее“ и в той же поэме любовно рисует сцену поражения народа аристократами ²⁾).

У последующих греческих поэтов, у лириков, ненависть и презрение к народу достигают порой ужасающих размеров; напр., мегарский поэт Теогнид прямо говорит: „Крепкой пятой придави эту чернь неразумную, на смерть бей ее острым бодцом, шею пригни под ярмо“ ³⁾).

Мы позволяем себе считать идеи Гомера и Теогнида не случайными в истории греческой культуры,—напротив, вся эта культура проникнута явным аристократизмом и часто скрытым, а порой тоже явным тяготением к монархизму.

Таков, прежде всего, Платон, которого многие мыслители считают вершиной греческой культуры. В „Государстве“ Платона увековечено рабство, „—говорит Вл Соло-

¹⁾ Там-же

²⁾ Ср. у проф. Р. Виннера „—История Греции в классическую эпоху“, М., 1916, стр. 48.

³⁾ А. и М. Круазе. „История греческой литературы“, изд. 2-е, Пгг. 1916, стр. 141.

вьев¹⁾); „Платон признает, что только неограниченный монарх, только „царь“ может заставить подвластное ему население, подчиниться нормам идеального государства“, — говорит проф. Э. Гримм²⁾). И недаром Платона хвалит самый ярый из всех наших монархистов — К. Леонтьев, восторженно восклицая: „Платон остается вечно правым! Для одних нужна мудрость, для других—храбрость, для *большинства—повиновение*“³⁾).

Не лучше Платона в этом отношении и другой великий греческий философ Аристотель, — воспитатель Александра Македонского, — советовавший своему воспитаннику управлять варварами по-господски, т. е. деспотически:⁴⁾ в своей „Этике“ тот же Аристотель прямо назвал царство лучшим из образов правления⁵⁾).

О последышах греческой культуры нечего и говорить: все они были чужды революционного духа и курили фи-
миам деспотизму. Греция окончательно слилась с рабским Востоком и, в сущности, была побеждена им, хотя бы, напр., в таких течениях мысли, как александрийский герметизм, в текстах которого мы встречаем самые восторженные похвалы царской власти⁶⁾).

¹⁾ Вл. Соловьев. Собр. сочин., изд. „Обществ. пользы“, т. IX, Спб., 1907, стр. 217.

²⁾ Э. Гримм. „Исследования по истории развития римск. импер. власти“, т. II, Спб.; 1901, стр. 208 и след.

³⁾ К. Леонтьев. Собр. сочин., изд. Саблина, т. 6-й, М., 1912, стр. 247.

⁴⁾ Ср. у проф. Н. Кареева — „Монархии древн. Востока и греко-римск. мира“, изд. 3-е, Спб., 1913, стр. 164—165.

⁵⁾ В. Чичерин „История политич. учений“, ч. 1-я, М., 1869, стр. 65.

⁶⁾ Об этом см. у проф. О. Зелинского. „Из жизни идей“, т. III, изд. 2-е, Спб., 1910, стр. 144.

Еще менее освободительной была роль римских поэтов и мыслителей. Двухтомное исследование проф. Э. Гримма по истории развития римской императорской власти прекрасно показывает, как неизменно римские поэты льстили своим владыкам-цезарям и как они стремились укрепить в обществе преклонение перед императорской властью. Не менее ярко говорит об этом и Г. Буассье в своей небольшой книжке— „L'opposition sous les Césars“... Не говоря уже о таких придворных льстецах, как Овидий,—даже Лукан и Ювенал,—которых многие еще склонны считать революционными поэтами, также умели сладко льстить и добиваться придворных подачек; Буассье ярко и хорошо описывает, как Ювенал завидовал Горацию и Вергилию, которые добились царских милостей¹⁾.

В новой истории нас встречает то-же самое явление.

Крупнейший монарх средних веков—Карл Великий—ревностно покровительствует искусству, сам пишет стихи и основывает аристократическую дворцовую школу для занятий искусствами²⁾. И обратно: крупнейший писатель средних веков—Данте—является самым ревностным и, быть может, самым талантливым защитником императорской власти и проповедником идеи мировой монархии³⁾.

И такое взаимоотношение между указанными силами существовало в Европе всюду и всегда. Филипп Монье в своей литературной истории Италии 15-го века рассказывает чудовищные вещи. Один из итальянских князей,—Галеаццо Мария Сфорца—„поймал однажды крестьянина,

¹⁾ Буассье, рус. перев. изд. Карбасникова, Птгр., 1915, стр. 260.

²⁾ См. „Историю франц. литер“, Составл. по Demogeot и др. Спб; 1887, стр. 35. и след.

³⁾ В. Чичерин. „Ист. политич. учений“, ч 1-я, стр. 224--230.

который украл у него зайца; он заставил несчастного с'есть зайца живьем вместе с шерстью, отчего крестьянин умер“¹⁾). И в то-же время эти князья и герцоги усиленно покровительствовали поэтам и ученым и,—по словам того-же Монье,—„в отношении вкуса и культуры государь представлял собой нечто изящное, нечто почти утонченное“²⁾).

В Испании „по замечанию самих испанских писателей, художественная драма их родилась одновременно с учреждением инквизиции“ и „годы самого свирепого деспотизма инквизиции и королей порождают целую плéяду гениальных драматургов“³⁾). Прибавим к этому, что величайшие из этих драматургов, напр., Лопе-де-Вега и Кальдерон,—слу-жили, как раз, не угнетенному народу, а инквизиции и королям.

То-же самое немного позже встречаем мы во Франции в самый разгар королевского деспотизма. Расин видел „в Людовике XIV воплощение счастья и могущества Франции“⁴⁾ и был *придворным* поэтом, точно так же, как и Корнель, и сам Мольер⁵⁾).

И, наконец, еще позже, величайшие поэты Германии—Гете и Шиллер—оба были придворными людьми и оба были врагами французской революции, причем Шиллер даже

¹⁾ Ф. Монье. „Опыт литер. истории Италии 15 века. „Изд. Пантелеева, Спб., 1904, стр. 14.

²⁾ Там-же, стр. 18.

³⁾ С. Юрьев. „Испанский театр цветущего периода“, ч. 1-я, М., 1877, стр. 17.

⁴⁾ Юрий Веселовский. „Литературн. очерки“, М., 1900, стр. 138.

⁵⁾ Кое-что о взаимоотношениях Мольера и Людовика XIV см. у Алексея Веселовского в „Этюдах и характеристиках“, т. I, изд. 4-е, М., 1912, стр. 105—106.

превосходил Гете энергией своих осудительных отзывов о восставшем народе¹⁾. Что же касается самого Гете, то недаром один из новейших его биографов восклицает: „Не будь Гете, не было бы и Бисмарка! Не будь Гете, не было бы Германской империи!“²⁾

Так обстояло дело до французской революции, и еще резче выразилось это после нее, когда целые толпы блестящих умов и талантов выступили на защиту монархии и духовенства. Достаточно назвать имена Шатобриана, Ламартина, молодого Гюго, Альфреда-да-Виньи, Ж. де Местра, — чтобы дать понять, какие блестящие силы пошли на службу реакции. Достаточно напомнить также, что мало найдется более ожесточенных врагов демократии, чем позднейшие немецкие философы, каковы, напр., Арт. Шопенгауэр и Фр. Ницше...

Но, — что еще поразительнее, — тот же тесный союз культуры и рабства мы наблюдаем и в чисто - азиатских государствах. Из истории турецкой литературы мы узнаем, что самые жестокие султаны покровительствовали поэтам и даже сами сочиняли стихи; таков был, напр., Селим I, которого историки сравнивают с Иваном Грозным.³⁾ „Главный очаг турецкой литературы, — говорит проф. А. Крымский, — дворы султанов, их детей, правителей и вельмож“.⁴⁾ Даже у самых кровожадных и полудиких деспотов мы встре-

¹⁾ Об отношении Шиллера к революции см. *Ж. Жорес* „Политич. и социальн. идеи Европы и великая революция“, спб., 1906, стр. 124 — 127 и *Евг. Дюринг* — „Великие люди в литературе“, спб., 1897, стр. 386.

²⁾ *А. Бельшовский*. „Гете, его жизнь и произведения“, т. II, спб., 1908, стр. 608.

³⁾ *А. Крымский*. „История Турции и ее литературы“. Изд. Лазаревск. института Восточ. языков, М., 1910, стр. 3.

⁴⁾ Там же, стр. 43.

чаем то-же пристрастие к искусству, какое поражало нас в просвещенных тиранах Италии и Франции, — напр., — знаменитый Тамерлан усердно собирал в свой столичный город—Самарканд—„из разных стран представителей всех отраслей искусства и науки“¹⁾).

Остановимся пока на этом.

Я привел не мало фактов, говорящих о дружбе деспотизма и искусства, но я не привел и сотой доли всех известных мне фактов, столь же ярко говорящих о том же, — при том фактов, касающихся не одной литературы, но взятых из истории живописи, музыки, архитектуры, политической мысли и т. д. И я не ошибусь, если скажу, что это — не случайность, что вся история человечества подтверждает афоризм Руссо, который я привел в начале моей заметки.

Да! — как это ни грустно, — но науки и искусства до сих пор только и делали, что утверждали господство человека над человеком, власть немногих над многими и нередко — власть худших над лучшими. В этом случае искусство и, до известной степени, наука шли нога в ногу с вечной порабощательницей человечества — с религией.

Спрашивается теперь: неужели люди, которые отвергли *абсолютную* ценность заветов Лао-Цзы и Веданты, Христа и Магомета, библии и Будды, — неужели эти люди остановятся перед созданиями, менее глубокими, — перед созданиями искусства, — в немом и пассивном восхищении? Неужели социальная революция не найдет в себе сил, чтобы пересмотреть и властно переоценить, — наряду с ценностями религиозными, — ценности художественные и философские?

Нам кажется, что у социальной революции силы для этого неизбежно найдутся. Более того: нам кажется, что

¹⁾ А. Шишов. „Таджики“, Ташкент, 1910, стр. 74.

в этом и заключается одна из самых великих и глубоких задач социальной революции.

Бороться с „обаянием“ Николая II и Вильгельма—не трудно; бороться с кознями капиталистов и прислуживающих им попов и интеллигентов—гораздо труднее; но труднее всего бороться с дьявольским обаянием и с демонической мудростью, которую господствующие классы вложили в создания своего искусства и своей философии.

Поражая Николая, —мы поражаем явное уродство; восставая на Вильгельма, —мы восстаем на явного угнетателя, на видимый для всех железный кулак... Но медовые речи Гомера, но благородная прелесть Тютчевских стихов, но тончайшие изгибы мысли Достоевского, —ведь все это не уродство, а—красота, не железный кулак, а улыбка сирены!

И что же?

Да, вот на это-то самое мы и должны поднять теперь свою с о з и д а ю щ у ю руку!

Это не значит, конечно, что надо непременно сжечь сочинения, скажем, Достоевского. Жечь их не надо, но их необходимо обезвредить, так же, как надо обезвредить церковные лже-учения.

Для этого-много путей, но прежде всего нужно твердо и ясно сознать, что на земле нет никаких святынь, кроме трудящегося человечества; а в самом человечестве дорого только одно, а именно: стремление к новым формам социального бытия. Посему, если этому стремлению так или иначе помешает какая-либо культурная ценность прошлого, то ее и можно, и должно уничтожить. И всем поклонникам культуры прошлого необходимо помнить, что эта культура—приемлема, но лишь до тех пор, пока она не мешает развитию культуры будущего.

А что культура будущего—не мечта, не утопия,—в этом служит порукой тот энтузиазм, которым охвачены массы революционной России. Этот энтузиазм направлен пока только на социально-экономические достижения. Но дайте ему восторжествовать в этой области, дайте народу сломить своих врагов и утеснителей, и его энтузиазм засветится радугой эстетики, озарится солнцем новых моральных достижений, заблестит звездами новых мыслей, перед которыми поблекнут мысли старого, рабского, человечества.

И царство свободы, о котором говорит марксизм, будет уже не только царством свободы, но и царством красоты, и царством справедливости.

Апрель, 1918.



II.

Во власти классового бешенства.

1. Н. БАЛЬМОНТ.

Бальмонт — талантливый и плодовитый поэт. Но, не смотря на то, что им написано и издано уже несколько десятков книг, — кое что в его личности оставалось до сих пор неясным, загадочным.

В своих книгах он писал о стольких различных народах, о стольких различных эпохах, говорил сочувственно о стольких различных мыслителях, что казалось, будто сам Бальмонт — личность чрезмерно — широкая, независимая пи от каких границ и „мелких“ человеческих делений, во всяком случае, — личность „сверхклассовая“.

Но пришла революция и обнаружилось, что вольный поэт, на словах перелетавший через тысячи лет и верст, на самом деле не в силах выйти из границ того класса, к которому принадлежит.

Маленькая книжка Бальмонта — „Революционер я или нет“ — ¹⁾ представляет собою одно из самых блестящих подтверждений справедливости учения Маркса о классовой психологии.

¹⁾ *К. Бальмонт.* „Революционер я или нет“. Изд. „Верфь“, М., 1918, стр. 48, ц. 1 р. 50 к.